

Живое слово и его глубинные энергийные структуры: интеграция античных, богословских и психоаналитических концептов в метаязык Общей теории живого слова (ОТЖС)

The living word and its deep energy structures: integration of ancient, theological, and psychoanalytic concepts into the metalanguage of the General Theory of the Living Word

Комаров В.В.

Канд. психол. наук, доцент, ООО «Воронежский институт организационного развития»,
г. Воронеж
e-mail: voronegcity@rambler.ru

Komarov V.V.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Voronezh Institute of Organizational
Development, Voronezh
e-mail: voronegcity@rambler.ru

Лазарев А.И.

Учредитель историко-филологического фонда имени А.А. Хованского, г. Воронеж
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Founder of Historical and Philological Foundation named after A.A. Khovansky, Voronezh
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

Статья осуществляет синтетический шаг в развитии Общей теории живого слова (ОТЖС), интегрируя в её концептуальный аппарат фундаментальные психоаналитические категории энергетики психики и формируя собственный метаязык (понятийный аппарат), при этом не просто заимствуя термины, концепты и метафоры из отдельных наук, а вырабатывая переосмысленные или новые понятия, способные адекватно описывать её сложный (многоаспектный) объект. Исходя из платоновской диалектики конструктивного и деструктивного начал в структуре души («Федр»), выражаемых метафорой о колеснице и двух конях (черном и белом), здесь прослеживается их аналогия с известными психоаналитическими концепциями *либидо* и *мортидо* (*деструдо*). При этом обосновывается объективная необходимость введения в метаязык ОТЖС нового понятия *конструдо* с целью различения *амбивалентности* (статического потенциала *либидо/мортидо*) и *амбитендентности* (интенциональных энергийных актов *конструдо/деструдо*) речевых высказываний. Доказывается, что эти категории являются необходимыми интегративным компонентами метаязыка теории и служат описанию онтологических оснований и энергетических законов устной речи. Они позволяют дифференцировать «живое» и «мертвое» слово не по формальным признакам, а по глубинной направленности психической энергии, воплощаемой вербально. В результате ОТЖС обретает понятийный инструментарий для анализа и диагностики конструктивных и деструктивных речевых практик, превращаясь в теоретический фундамент психогигиены коммуникации.

Ключевые слова: живое слово, Общая теория живого слова, психоанализ, либидо, мортидо, деструдо, конструдо, метаязык, амбивалентность, амбитендентность, энергетика речи, психогигиена коммуникации.

Abstract

The article takes a synthetic step in the development of the General Theory of the Living Word (GTLW), integrating fundamental psychoanalytic categories of the energetics of the psyche into its conceptual framework and forming its own metalanguage (conceptual apparatus). This is achieved not by merely borrowing terms, concepts, and metaphors from individual sciences, but by developing reinterpreted or new concepts capable of adequately describing its complex (multifaceted) object. Proceeding from Plato's dialectic of constructive and destructive principles in the structure of the soul (*Phaedrus*), expressed through the metaphor of the chariot and two horses (the black and the white), the article traces their analogy with well-known psychoanalytic concepts of libido and mortido (destrudo). At the same time, it substantiates the objective necessity of introducing a new concept, *construdo*, into the metalanguage of GTLW. This is done to distinguish between ambivalence (the static potential of libido/mortido) and ambitendency (the intentional energy acts of construdo/destrudo), allowing for the recognition of the tendentiousness of speech acts. It is argued that these categories are essential integrative components of the theory's metalanguage and serve to describe the ontological foundations and energetic laws of oral speech. They make it possible to differentiate between "living" and "dead" words not by formal features, but by the deep orientation of the psychically embodied verbal energy. As a result, GTLW acquires a conceptual toolkit for the analysis and diagnosis of constructive and destructive speech practices, transforming into a theoretical foundation for the psychohygiene of communication.

Keywords: living word, General Theory of the Living Word, psychoanalysis, libido, mortido, destrudo, construdo, metalanguage, ambivalence, ambitendent, energy of speech, psychohygiene of communication.

Общая теория живого слова (ОТЖС) как интегральная дисциплина подразумевает формирование собственного метаязыка, способного описать её предмет – живое слово в его целостности: и как *метафизический дар*, и как *энергетический импульс*, и как *коммуникативное действие*, и как *смысловое событие*. Настоящая статья посвящена синтетическому шагу в этом направлении – интеграции психоаналитического измерения для объяснения глубинных структур, определяющих «живость» или «мёртвость» слова в условиях физико-метафизической диалектики. Однако этот шаг был бы методологически неполон без учёта той мощной традиции, которая уже в XIX–XX вв. осмысляла слово именно как онтологическую энергию, реализующуюся в речи.

Феномен живого слова, способного созидать и разрушать, исцелять и ранить, воодушевлять и подавлять, с античных времен находится в центре внимания философской и духовной рефлексии. Его уникальная сила, или «энергия», осмыляется в двух ключевых, но полярных парадигмах: традиционно эта сила определялась как *метафизический дар*, причастный высшим началам бытия; но с началом материалистического века она стала интерпретироваться как укорененный в природе человека *психофизиологический процесс*, истоки которого берут начала структуре бессознательного.

Современная теория коммуникации, сталкиваясь с необходимостью анализа глубинных механизмов речевого воздействия, остро нуждается в инвентаризации этих подходов в синтетических целях – чтобы преодолеть разрыв между метафизической онтологией слова и материалистической наукой о психике. Опыт психолингвистических изысканий показывает, что для достижения этих целей наиболее удобен принцип редукции, сводящий пестрое многообразие «поверхностных» явлений к «ограниченному числу типовых (инвариантных) схем», исключая неоднозначность и позволяющий таким путем выявить глубинные закономерности в изучаемой сфере [17].

В настоящей статье осуществляется попытка такого синтеза в рамках разработки *Общей теории живого слова (ОТЖС)*, ставящей целью описать живое слово как целостный

феномен, в котором нерасторжимо сплетены духовно-психический, материально-психологический и коммуникативный аспекты. Для формирования в рамках ОТЖС нового концептуального аппарата, адекватного сложности её объекта, видится необходимым обращение к трём фундаментальным интеллектуальным традициям, каждая из которых внесла решающий вклад в понимание источников речевой энергии.

Во-первых, к классической античной философии, заложившей метафизические основания и истоки энергии слова: сократовская *майевтика* раскрыла слово как инструмент рождения истины в диалоге; Платон в сократическом диалоге «Федр» представил Эрос как проявление высшей силы, как амбивалентный источник энергии, в контексте рассуждения о структуре души (которую должен хорошо себе представлять каждый, кто имеет воспитательное намерение), метафорически изображая её начала в виде колесницы, управляемой разумом-возницей и запряженной двумя конями – благородным (белый конь) и низменным (чёрный конь); Аристотель в учении об *энтелехии* и *энергии сущего* заложил логический аппарат для описания слова как осуществленной, действенной формы мысли.

Во-вторых, к русской философско-богословской (Вл. Соловьев, П. Флоренский, С. Булгаков, А. Лосев) и поэтико-символистской (А. Белый, В. Иванов, О. Мандельштам, А. Блок,) школам, онтологизировавшим эти интуиции и разработавшим учение о слове как об *энергии сущности*. В этих школах живое слово представлено как символ и воплощение божественного Логоса, несущего в себе творящую и соединяющую силу. Энергия слова здесь понимается как позитивная *избыточная полнота*, или как *откровение смысла*, приобщающего человека к высшей реальности.

В-третьих, к классическому психоанализу и аналитической психологии, совершившим «коперниканский переворот», сместив фокус с метафизики на глубинные структуры психики, или, метафорически говоря, спустив источники энергии слова с небес на землю: З. Фрейд предложил материалистическую модель, связав психическую энергию (*либидо*) с биологическими влечениями и их сублимацией, а его ученики С. Шпильрейн, П. Федерн, Э. Вайсс дифференцировали *влечение к смерти* в терминах *мортидо* и *деструдо*; К.Г. Юнг расширил эту модель до архетипической, увидев в слове-символе голос коллективного бессознательного и энергию процесса индивидуации. Наконец, Ж. Лакан радикализировал подход, представив речь как материальное поле, где структурируется желание, движимое фундаментальной *нехваткой*, а энергия слова – это не полнота, а следствие утраты или компенсаторный эффект [14].

Таким образом, мы сталкиваемся с диалектическим противоречием в определении истоков психической энергии, выражающейся в слове: с одной стороны – *идеалистическое, метафизическое направление* (античность, русская школа), видящее в ней проявление высшей, созидательной силы (*Эроса, Логоса*), с другой – *натуралистическое, материалистическое направление* (классический фрейдизм), сводящее её к преобразованной *энергии влечений*. При этом надо отметить, что юнгианство и лаканианство уже стали попыткой занять промежуточное, синтетическое положение, сохраняя связь с метафизикой смысла (архетипы) или структурой (Символическое), но отталкиваясь от натуральных бессознательных механизмов.

Исходя из этого противоречия, данная статья ставит задачу не эклектического совмещения философских и терапевтических понятий, а *создания интегрального метаязыка ОТЖС и формирования его понятийно-лексического кластера*. Отправляясь от платоновской диалектики конструктивного и деструктивного начал в структуре души, выраженных в образах двух безымянных коней (чёрного и белого), и анализируя её подобия в психоаналитических парах *либидо/мортидо* (инстинкты, потенции, энергии) и производных дискурсивных понятиях *конструдо/деструдо* (целенаправленные акты), главная идея статьи строится на том, что эти категории, будучи критически переосмыслены, могут выступить в ОТЖС не внешними заимствованиями, а онтологическим основанием для описания энергетических законов речи. В частности, обосновывается необходимость *эвокации* (лат. *evocatio* – «вызывание») термина

конструдо для описания механизма трансформации деструктивной энергии речевого акта (*деструдо*) в созидательную.

Здесь специально надо отметить, что термин *энергия* используется в данной статье не как физикалистская или теологическая категория в их исконных смыслах, а как обобщающая *метафора действенности*: для Платона это онтологическое свойство души, для Фрейда – количественно-динамический фактор психики, для Лосева – смысловая энергема. В рамках рассуждения о метаязыке ОТЖС видится целесообразным абстрагироваться от онтологических споров об источнике этой энергии и сфокусироваться на функциональном проявлении: способности слова производить изменения в психике и коммуникации. В связи с такой подходом термин *конструдо* предлагается для обозначения именно этой функции созидания смысла, независимо от того, считается ли его источником *божественный Логос* или *сублимированное либидо*.

Предполагается, что в результате осуществляемого синтеза, обусловленного противопоставлением метафизического и материалистического подходов в определении энергийных истоков речевых актов, ОТЖС обретет обоснованный инструментарий для дифференциации «живого» и «мертвого» слова не только по филологическим (языковедческим и литературоведческим), но и по глубинно-энергетическим критериям, превратившись в теоретический фундамент для анализа, диагностики и психогигиены деструктивных речевых практик, а также для изучения способов их трансформаций в конструктивные.

Итак, отправной точкой ретроспективного обзора энергийных источников, обозначенных в философской литературе, служит платоновский «Федр», где в контексте *психоггии* (ведения души) метафора колесницы с Возничим (разумом) и двумя конями (благородным белым и низменным чёрным) раскрывает не формальный, а сущностный критерий живого слова: его направленность к истине и благу, проистекающую из искусства гармонизации *внутренних сил души* или *мыслящего духа* [8]. Именно здесь, в контексте рассуждений о превосходстве устного «живого и одушевленного слова» (*λόγον ζῶντα καὶ ἔμψυχον*) для *психоггии* (*ψυχαγωγία*), Платон раскрывает не формальный, а сущностный критерий, рассуждая, что дело не в устности или письменности как таковых, а в направленности речи – служит ли она истине и благу (истинной диалектике) или является «мертвой риторикой» (софистикой) [18]. Эта направленность укоренена в онтологии души, представленной знаменитой метафорой колесницы, объясняющей сущность *искусства управления*, или *кибернетики* (*κυβερνήτης*), когда Возничий (разум) управляет парой коней. Платон описывает два начала души, одно из которых (чёрный конь) противостоит разумному руководству. В психоаналитической оптике эту оппозицию можно интерпретировать как прообраз внутреннего противоречия между влечением к жизни и деструктивными тенденциями, которые Фрейд позже свяжет с инстинктом смерти. Хотя сам Платон не вкладывал в этот образ танатического содержания, он создал структурную матрицу амбивалентности, позволяющую переосмыслить эту динамику. Таким образом Платон задаёт парадигму, согласно которой слово может быть представлено как воплощение и проводник энергии души, имеющей два фундаментальных вектора – к созиданию и к разрушению, однако не номинирует их, не присваивает им имена. При этом Платон отмечает, что системным источником разрушительной энергии в речи может быть отсутствие сочетания *паррессии* (*παρρησία* – искреннее выражение своего отношения к истине) и *кайроса* (*καιρός* – подходящий случай), ведь разумеется, что истина, высказанная в неподходящий момент, может повредить добродетели, так что опорной точкой *паррессии* является именно *кайрос*. Иначе говоря, искусство *паррессии*, или умение правильно использовать силу истины, заключается в умении «поймать *kairos* в тот момент, когда он появляется» (при этом именно *своевременность* выступает как необходимое условие правильного применения энергии психоггического воздействия и таким образом становится критерием эффективности *паррессии*) [21].

Платоновскую интуицию о слове-энергии в оригинальном богословском ключе развивала *русская религиозно-философская мысль*, представители которой в рамках

«философии имени» последовательно утверждали, что вообще слово (как имя, так и глагол) – не условный знак, а *субстанциальная энергия*, обладающая силой проявлять духовную сущность и преобразовать реальность. Подобные мысли были характерны и для таких представителей русского поэтического символизма, как А. Блок, О. Мандельштам, В. Иванов, а также А. Белый, оказавший влияние на понимание символики К.Г. Юнгом.

Можно утверждать, что идея о содержащейся в живом слове силе нашла своё отражение и в трудах ряда российских философов, начиная с «западника» П.Я. Чаадаева, называвшего слово «действующей силой речи» и «глаголом творящим», а также «почвенника» А.С. Хомякова, рассуждавшего о живознающем слове и его силе, принадлежащей «к области до-предметной» [31], которая не может быть постигнута рассудком, так как она не есть объект: «Живое знание дает нам познание того, что находится в основе существования, – познание силы. На низшей стадии реальности сила проявляет себя в форме материальных процессов, на высшей – в духовном мире – она является свободной волей, соединенной с разумом» [16]. Нечто подобное явно прослеживается и в сочинениях В.С. Соловьева, в частности в его работах о богочеловеческом процессе и философии всеединства, где он рассматривал Логос как Живое Слово, воплощенное во Христе, а также – в его концепции *живое знание* (интеллектуальной интуиции), которая связана с идеей слова как органической силы, «соединяющей в себе божественную силу, энергию человеческого ума и сердца» [20]. К числу русских философов и богословов, рассуждавших об энергии слова, можно отнести и П.А. Флоренского, обозначившего (в статье «Строение слова» из цикла «У водоразделов мысли») слово как *энергийный символ*, соединяющий материальное и духовное, как онтологическую реальность, участвующую в божественном Логосе. По мнению философа, именно двойственная природа, содержащая живое равновесие *ergon* и *energeia*, «вещи» и «жизни», дает жизнь языку – «вечному, незыблемому, объективному Разуму, пречеловеческому Logos'у» и одновременно – «бесконечно близкому душе каждого, ласково-гибкому в своем приноравливании к каждому отдельному сердцу, всегда индивидуальному» [25].

Это в равной мере можно отнести и к софиологии С.Н. Булгакова [5], развивавшего учение о Логосе как творящем мир Слове (в частности, в труде «Философии имени» посвященном магической и благодатной силе слова) и называвшего слова «живыми и действенными иероглифами вещей», а само имя – во всей его конкретности – «силой, семенем и живой энергией, которая, как и все живое, ощутима внутренней интуицией и может быть лишь выявляема, рассказываема, чувствуема созерцающим» [4]. Для А.Ф. Лосева, «почти первого в русской философии», кто «не лингвистически и не феноменологически, но диалектически обосновал слово и имя как орудие живого социального общения и вскрыл живую и трепещущую стихию слова» [22]; оно материально и идеально одновременно, оно «живое», потому что представляет собой неразрывное единство бестелесного смысла (идеи) и его материального носителя – звука, фонемы. Эта «одухотворенная плоть» и есть жизнь слова. Живое слово не просто звучит, а совершает акт именованья, высвобождая и проявляя скрытую энергию вещи, соучаствуя в ее бытии. Энергию, заключенную в слове, А.Ф. Лосев назвал *энергемой*: «Стоит только произнести хоть одно осмысленное слово, как уже все энергемы сразу и целиком появились у произносящего и в произносимом» [12].

Анализируя «Федра», А.Ф. Лосев прямо трактовал этот диалог как психологическое сочинение о структуре личности, где два коня суть две энергии единого *Эроса*, а их согласие под управлением ума (*Логоса*) есть условие творческого словесного выражения, в котором явлен *Космос*. Размышляя об энергии слова в «Философии имени», А.Ф. Лосев обозначает концепцию *Эроса* в «Федре» почти исключительно психологической и прямо связывает её с античной диалектикой, выделяя два его исходных типа: *космический Эрос* (восходящий к Гесиоду) – это исходно слепая, творящая мир сила, которая под воздействием разума становится созидающей и организующей; *лирический Эрос* (орфический) – это сила, притягивающая одно существо к другому, сливающая их в экстазе общения [15]. Это лосевское различие оказывается концептуальным мостом между платоновским мифом и психоаналитической энергетикой (другим концептуальным мостом между фрейдизмом и

платонизмом можно назвать юнгианство, содержащее представление о коллективном бессознательном, близком к платоническому миру идей; к тому же в своем труде о «Психологических типах» Юнг прямо упоминает фрагмент диалога «Федр» о возникшем, управляющем двумя конями, «чтобы проиллюстрировать неподатливость и полярность человеческой психики» [34]).

Идея о содержащейся в живом слове энергии получила особое развитие в творчестве русских поэтов символистов. Вяч. Иванов называл язык живым организмом, получающим энергию света из горнего мира, а питательные соки – из «Матери-Земли» – многовековой культурной, языкотворческой традиции народа: «Язык – это создание духа народного и Божий народу дар» [10: 475]. В работе «По звездам» (1909) поэт отмечает, что в слове происходит живое соединение Божественной энергии с человеческой и раскрываются подлинные смыслы слова, энергия жизни, которую слово черпает в «мире божественных сущностей» [11: 131].

В понимании А. Блока деятельностная сила слова связана с тем, что поэт воспринимает душой вселенские силы гармонии, воплощаемые в слове, которое становится действенным. В работе «О назначении поэта» (1921) Блок пишет: «Поэт – сын гармонии; и ему дана какая-то роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых – привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих – внести эту гармонию во внешний мир» [3]. По мнению О. Мандельштама, язык – это тот первоначальный «жизненный импульс», который гармонизирует всю систему национальной литературы, обеспечивая ей устойчивость и относительную стабильность. Будучи живой сущностью, язык имеет свою собственную «бытийственность» и «внутреннюю свободу» и обладает способностью к непрерывному «свободному воплощению» в «разумную и дышащую плоть» [35: 582].

Энергичное понимание языка соответствовало идеалам символистов, для которых художественное творчество – это путь «к преображению личности» [23: 7]. Как писал А. Белый, источник этого – живая речь – «вечно текущая, созидающая деятельность, воздвигающая перед нами ряд образов и мифов, наше сознание черпает силу и уверенность в этих образах; они – оружие, которым мы проницаем тьму» [33]. При этом назначение человечества А. Белый видел «в живом творчестве жизни посредством языка». Всякое общение – это «живой творческий процесс, где души обмениваются сокровенными образами, живописующими и созидающими тайны жизни. Цель общения – путем соприкосновения двух внутренних миров зажечь третий мир, нераздельный для общающихся и неожиданно углубляющий индивидуальные образы души». Для развития человечества необходимо в качестве «знаков общения» использовать «живые» (наполненные образностью) слова: «... живая, образная речь, которую мы слышим, зажигает наше воображение огнем новых творчеств, то есть новых словообразований; новое словообразование есть всегда начало новых познаний». Главной задачей речи А. Белый называет сотворение новых образов, чтобы «вливать» их «великолепие» в души людей и этим «великолепием» «покрыть» мир: «Мы должны сами наполнить живую речь познанием и творчеством; восприятие живой, образной речи побуждает нас к творчеству; в каждом живом человеке эта речь вызывает ряд деятельностей; и поэтический образ досоздается – каждым; образная речь плодит образы; каждый человек становится немного художником, слыша живое слово». Противопоставляя «живое» слово «слову-термину», поэт замечает, что идеальных терминов мало, мало и живых слов, а жизнь полна «загнивающими» словами, распространяющими нестерпимое зловоние; «употребление этих слов заражает нас трупным ядом», тогда как живое слово должно быть прямым выражением жизни [2].

Таким образом, русская философско-богословская и поэтико-символическая мысль представляет живое слово и как синэнергичный концепт, питающийся энергией свыше, и как инструмент для формирования социальной гармонии.

Психоаналитическая традиция, напротив, исследует имманентные, телесно-обусловленные механизмы, стоящие за речью и желанием. Так, классический фрейдизм предлагает биоэнергетическую модель. В её центре – понятие *либидо* (от латинского *libīdō*)

как психической энергии сексуальных влечений. Речь и культура понимаются как результат сублимации – переориентации этой энергии на социально приемлемые цели.

Примечательно, что для описания психических процессов Фрейд, как и Платон, метафорически использует образ всадника, но управляющего только одним конем неопределенного цвета. Хотя образ управления внешне схож, философский смысл радикально различен. В понимании Фрейда всадник – это рациональная, ориентированная на реальность инстанция – Эго, которое пытается управлять мощью Оно, но сама по себе слаба и не обладает собственной энергией. Она вынуждена «заимствовать силу» у Оно и лишь направляет его энергию в социально приемлемое русло (*сублимация*). Первоначально Фрейд говорил о *либидо* как об энергии, привязанной только к сексуальным инстинктам, однако позднее было сделано предположение, что и в Эго имеется *либидо*, и это Эго-либидо (субъект-либидо) есть производная от *либидо*, привязанного к объект-представлениям (объект-либидо). Эта в некотором роде любопытная формулировка происходит от двух других, а именно: а) то, что Эго вычленяется из Ид – следовательно, энергия Эго должна быть дифференцированной формой энергии Ид; б) то, что развитие Эго есть результат фрустрации со стороны родительских фигур и сопровождается идентификацией с ними и их интроекцией; поэтому *либидо*, первоначально привязанное к ним, оказывается сцепленным с Эго, с любовью к себе и с самоосознанием, которые возрастают по мере того, как уменьшается привязанность к родителям [29]. Однако в целом, как показывает Герасимос Ксенофонт Сантас в сравнительном исследовании «Plato and Freud: two theories of love», фрейдовская теория, несмотря на её претензию быть «платонической», фундаментально редуцирована: она объясняет высшее (любовь, творчество) через низшее (инфантильное либидо) [41].

На этом фоне и в рамках настоящей статьи история формирования психоаналитической терминологии и её бытия представляет особый интерес, поэтому есть резон остановить исследовательское внимание на детальном рассмотрении этого процесса, в частности – на появлении в психоаналитическом метаязыке таких терминов, как *либидо*, *мортидо* и *деструдо*.

Как известно, ключевым понятием для описания психологической энергии в классическом психоанализе выступает *либидо*, означающее движущую энергию всех жизненных процессов: сексуального поведения, стремления к питанию, телесному удовольствию, знаниям и к победе во всех областях самосохранения и сохранения вида, а также – как источник социальной активности (например, материнского инстинкта любви) [37]. Используя понятийный аппарат Женевской лингвистической школы, можно сказать, что *либидо* служит означающим для таких означаемых [21], как *инстинкт самосохранения и размножения* или *влечение к жизни*.

Впервые понятие *влечение* вводится в статье «О психическом механизме истерических феноменов» (1893) для описания энергии, накопленной в аффектах, с акцентом на сексуальные истоки истерических симптомов. Впоследствии уже *либидо* получает системное развитие как психическая энергия полового влечения, становясь центральным понятием психоанализа («Три очерка по теории сексуальности», 1905). В хрестоматийной работе «По ту сторону принципа удовольствия» З. Фрейд пишет о консервативной природе *либидо* и выводит принцип удовольствия из принципа константности, наиболее полно реализуемого в сфере сексуальных влечений [24]. Здесь же Фрейд указывает на «влечение к смерти», которое «обращается вовне» и создает деструктивные тенденции [1]. Таким образом, первоначально Фрейд использовал *либидо* в узком смысле (сексуальное желание), расширив впоследствии его до энергии *инстинктов жизни* (*Эрос*), как бы в противопоставлении *Танатосу*, что можно считать отражением перехода от клинического термина к теоретической модели психической энергии (здесь надо отметить, что Фрейд лично никогда не использовал понятие *Танатос* в своих письменных сочинениях, употребляя, по свидетельству его биографа Эрнеста Джонса, этот термин лишь в отдельных беседах. Вместо того Фрейд как правило использовал термины *инстинкт смерти* или *деструктивный инстинкт*, чередуя их без четкой дифференциации, и лишь в своей беседе

с Эйнштейном о войне отметил различие, что первое *направлено против себя*, а второе, полученное из него, *направлено во вне* [38].

Итак, в психоаналитической теории принято рассматривать *либидо* как сексуальное влечение, объединившее в себе инстинкты самосохранения и размножения и составляющее основу *влечения к жизни (Эрос)*, которой противоплагается *базовая агрессивность*, выражающаяся в стремление к разрушению, к приведению всего живого в неорганическое состояние и соответствующая *влечению к смерти (Танатос)*. В одной из своих последних работ по психоанализу З. Фрейд описывает эту дихотомию так: «В отношении биологических функций эти два основных инстинкта либо действуют друг против друга, либо объединяются. Такое одновременное и взаимно противоположно направленное действие двух основных инстинктов порождает всё разнообразие явлений жизни. Не может быть и речи об ограничении того или иного основного инстинкта одной из областей психики. Они неизбежно должны присутствовать везде... Энергия Эроса ... служит для нейтрализации одновременно присутствующих разрушительных тенденций» [26: 58]. Впоследствии Фрейд искренне удивлялся тому, что ему понадобилось так много времени, чтобы решиться признать существование стремления к агрессии и тому, что столь очевидные и общеизвестные факты не использовались для построения теории без промедления [28]. Экзистенциальный психотерапевт Ирвин Ялом, анализируя творчество Фрейда, отмечал, что Фрейд долго не просто не замечал, но старательно избегал тематики смерти. Ялом был уверен, что при всей невероятной интуиции Фрейда тема смерти оставалась для него *слепым пятном*, скрывавшим очевидные аспекты внутреннего мира человека [36].

Хотя историю развития в психоанализе *теории влечения к смерти* традиционно принято ассоциировать с сочинением З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», в котором автор выделяет два оператора, отмечая при этом, что исходит из «коренной противоположности между влечениями к жизни и смерти» [27: 42]. Однако такое видение своего детища у отца *психоанализа* сложилось не сразу, а только под влиянием идей представителей *аналитической психологии*, при этом сам Фрейд, несмотря на то что попытался упорядочить свои выводы относительно «двух видов первичных позывов», действующих «в каждой живой субстанции» [26], спустя годы всё же замечал, что рассматривает *влечение к смерти*, которое противостоит *влечению к жизни* и приводит живое к неорганическому состоянию, только как гипотезу [6].

Другим, однако менее известным энергетическим термином психоаналитического метаязыка служит понятие *мортидо*, введенное в 1936 г. Паулем Федерном для обозначения психической энергии *инстинкта смерти* [39], обнаруженного в клинических наблюдениях Сабиной Шпильрейн и описанного в её диссертации «Деструкция как причина становления» (1912). В этой работе С. Шпильрейн впервые выявила в сексуальном влечении деструктивный компонент – связь *сексуальных желаний и представлений о смерти*, или *амбивалентность* сексуального влечения. При этом необходимо специально отметить, что, обнаружив это, она постулирована не их противоположность, а их *рядоположность* – в силу именно амбивалентности сексуального влечения и наличия в нем деструктивного компонента. В качестве подтверждения связи между сексуальностью и деструктивностью в конце этой работы она указывала на амбивалентное значение сексуальной символики в снах и мифологии (например, конь – одновременно символ сексуальности и смерти). Сама же Шпильрейн в диссертационном труде о деструктивных началах становления в рассуждении об *инстинкте смерти* термин *мортидо* не использовала.

В классическом психоанализе *мортидо* уделена значительно меньшая роль (по сравнению с *либидо*) – во многом из-за того, что идеи Сабини Шпильрейн долгое время не находили поддержки в академических кругах. Вспоминая спустя годы тот период, Фрейд писал: «Я помню моё собственное защитное отношение к идее инстинкта разрушения, когда она впервые появилась в психоаналитической литературе, и то, какое долгое время понадобилось мне, прежде чем я смог её принять» [40]. Сегодня психоаналитический термин *мортидо* служит одним из основных компонентов в разнообразных *теориях агрессии*, несмотря на то что биологически существование *мортидо* не доказано [6]. И хотя подобное понятие логически необходимо для аналитиков, верящих в существование инстинктов жизни и смерти, ни один из них, включая самого Федерна,

не отважился на мысленное создание психического аппарата, в котором одновременно действуют два противоположных инстинкта и два разных вида энергии [19].

Как видно, появление в психоанализе идеи о психической энергии иного качества обязано не столько труду Зигмунда Фрейда «По ту сторону удовольствия», сколько диссертации Сабины Шпильрейн «Деструкция как причина становления» (1912), тогда как номинация этого квази-источника (*означаемого*) специальными терминами *мортидо* или *деструдо* (*означающими*) связаны уже с творчеством психоаналитиков австрийского и итальянского происхождения – соответственно Пауля Федерна (1936) и Эдоардо Вайсса (1935). Несмотря на некоторую синонимичность этих терминов Федерн всё же считал необходимым разграничивать *мортидо* (стремление к самоуничтожению) и *деструдо* (агрессию к окружающим) в контексте деструктивного влечения. При этом разумеется, что *мортидо* и *деструдо* включены в более обширное понятие – *Танатос*.

Хотя термины *мортидо* и *деструдо* не получили широкого применения и редко используются в метаязыке современной академической психологии, уступив место более конкретным понятиям (*агрессия, враждебность, аутоагрессия*), тем не менее их анализ прекрасно иллюстрирует сложные связи между *означающим* и *означаемым*, демонстрируя яркий пример того, как язык не просто описывает реальность, но и конструирует её в рамках научного дискурса, как бы предопределяя то, как мы будем думать о *Танатосе*: как о стремлении к небытию (*мортидо*) или как о силе активного разрушения (*деструдо*). Поэтому, несмотря на то что термины *мортидо* и *деструдо* не вошли в основной научный обиход, уступив место поведенческим теориям агрессии, их эвристическая ценность для данной работы заключается в самом различении векторов аутоагрессии и внешней агрессии, что важно для анализа речевых актов.

Итак, если *мортидо* выражает влечение к смерти как отдельный инстинкт или одну из валентностей амбивалентного потенциала *либидо*, то *деструдо* противопоставляется *либидо* как динамика противопоставляется статике. При таком подходе различие между *мортидо* и *деструдо* заключается в концептуализации и фокусе внимания: используя *мортидо*, теоретик или клиницист мысленно обращается к состоянию (смерти, покоя) и цели влечения, настраивая мысль и язык на метафизическое или биологическое размышление; говоря *деструдо*, акцент смещается на процесс (разрушения) и поведенческие проявления (агрессию), настраивая мысль и средство ее выражения на наблюдение за конкретными действиями и их интерпретацию.

Таким образом, выбор термина начинает определять микромодель теоретической позиции: если *мортидо* делает акцент на цели – влечение к внутреннему покою, разрядке всех напряжений, к небытию, то *деструдо* более акцентировано на действии и процессе – влечение к внешней агрессии, к разрушению связей. Это уточнение П. Федерна позволяет не просто говорить о «деструктивной энергии», а аналитически разводить две её фундаментальные формы, выражающиеся в речи: *мортидо* – это слово, обращённое против себя, речевая форма инстинкта самоуничтожения; *деструдо* – это слово, обращённое против другого, речевое оружие в эристическом диалоге.

Таким образом, историческое формирование энергийной терминологии психоаналитического метаязыка демонстрирует последовательную концептуализацию деструктивных начал: от *либидо* как энергии жизни (*Эрос*), через гипотезу о *Танатосе*, к оперативным терминам *мортидо* (стремление к самоуничтожению) и *деструдо* (агрессия, обращённая вовне). Эта терминологическая тройка – *либидо,-mortидо, деструдо* – образует в психоаналитическом метаязыке семантическое поле, в центре которого находится *энергетика влечений*, а на его периферии доминируют понятия, описывающие *распад, разрядку, разъединение и разрушение*. Поэтому психоанализ, выполняя свою главную терапевтическую задачу – работать с патологией – неизбежно сосредоточился на номенклатуре конфликта, вытеснения и смерти. Язык этой психотерапевтической практики, как заметил впоследствии Жак Лакан, стал языком «археологии травмы».

Рассуждая в психоаналитическом контексте об источниках энергии речи, не представляется возможным обойти стороной оригинальный труд Ж. Лакана «Функция и поле

речи и языка в психоанализе», где автор рассматривает материю языка как особую онтологическую реальность, прямо указывая, что «бессознательное структурировано как язык» и речь субъекта всегда содержит больше, чем он сознательно в неё вкладывает [14]. В своих трудах Ж. Лакан не просто «использовал» речь в терапии, а построил целостную клиническую архитектуру, где сама аналитическая ситуация является материализацией теории: речь есть единственное поле, где существует субъект бессознательного, и единственное орудие, способное это бессознательное преобразовать.

Однако для *Общей теории живого слова* (ОТЖС), чей объект – слово как созидующее, связующее и преобразующее событие, – такой ограниченный понятийный аппарат оказывается не просто недостаточным, но и концептуально вредоносным. Он создает условия для риска – закрепить не только в психоаналитическом метаязыке асимметрию в пользу деструкции, лишая исследовательский инструмент позитивного, жизнеутверждающего вектора, но и благодаря популярной литературе распространяется на литературный язык вообще. Эта проблема была пророчески угадана в русской мысли начала XX века поэтами-символистами и философами-богословами. Достаточно вспомнить размышления Андрея Белого о кризисе языка и о «загнивающих» словах, которые распространяют нестерпимое зловоние и «заражают нас трупным ядом». В этом контексте метафора Белого обретает буквальный смысл: термины *мортидо* и *деструдо* суть такие же *мертвые слова*, служащие для описания смерти в слове. При этом они только называют и диагностируют болезнь – омертвление смысла, распад связи, агрессию как речевой акт, – но не предлагают имени для лекарства и не указывают на специфическую энергию исцеления и созидания. Тогда как метаязык *Общей теории живого слова* нуждается в живых словах и жизнедательных терминах.

Следовательно, метаязыку ОТЖС, стремящемуся быть не только диагностическим, но и творческим инструментом, остро необходим собственный, сущностно иной термин, которому надлежит выполнить двоякую задачу: во-первых, выровнять понятийный баланс, дополнив триаду (*либидо–мортидо–деструдо*) созидательным элементом; во-вторых, стать прямым обозначением той самой «жизни» в живом слове, которую русские философы (от П. Чаадаева и А. Хомякова до С. Булгакова и А. Лосева) понимали как энергию или силу, воплощающую высшие смыслы и творящую коммуникативную реальность.

Таким термином предлагается *конструдо* (от лат. *construere* – строить, сооружать, складывать): если *деструдо* маркирует энергию разрушения (*de-struere*), то *конструдо* сознательно вводится для именованной энергии созидания (*con-struere*). Разумеется, его не следует воспринимать как синоним *либидо*, понимаемого как базовая витальная сила, и не как его автоматическое следствие. В *означающем* «конструдо» репрезентируется конкретное *означающее* для метаязыка Общей теории живого слово – это психическая энергия, реализующаяся в синтезе витального импульса (либидо) с работой разума (логоса) и волей к созиданию (которая характеризует определенный тип личности) и направленная как на построение смыслов, связей и целостностей, так и понимание воздействия психоэнергетических актов на качество коммуникации. Оно является операциональным понятием для обозначения того самого *космического Эроса*, о котором говорил Платон и который в речевом акте проявляется как сила эвристического диалога, творческого выражения, этической аргументации и конструктивного взаимодействия в выявлении научных истин.

Введение *конструдо* в метаязык ОТЖС позволяет завершить построение фундаментальной энергетической тетрады: *либидо* (потенциал жизни) / *мортидо* (потенциал смерти) → *конструдо* (акт созидания) / *деструдо* (акт разрушения). Эта матрица даёт общей теории живого слова адекватный инструмент не только для анализа того, как слово убивает и разъединяет (*деструдо*) или обращается против самого говорящего (*мортидо*), но и – что принципиально важно – для исследования того, как слово оживляет, строит мосты, рождает общий смысл и осуществляет ту самую *психологию* – ведение души к истине и благу, о которой говорил Платон в «Федре» [18]. Таким образом, мы получаем тетраду, схематизирующую переход от статики к динамике, от психического потенциала к энергийному речевому акту.

Здесь представляется необходимым (для сопоставления и с целью «отстройки» понятийного инструментария метаязыка *Общей теории живого слова* от метаязыка психоанализа и современной психолингвистики) обратиться к структурному психоанализу Жака Лакана и его знаменитому утверждению, что «бессознательное структурировано как язык», означая, что психоаналитик работает с речью пациента как с местом, где структурирована травма. Поэтому его понятийный кластер – это инструмент психоаналитического метаязыка, служащего для археологии конкретной, травмирующей структуры, заключающейся в конкретном речевом акте пациента. Это значит, что сама идея «археологии травмы» – это не метафора литературного языка вообще, а методологическая установка психоанализа, распространяющаяся на метаязык психолингвистики. Распознавая и признавая эту установку, ОТЖС сознательно занимает противоположную позицию, потому что её объект и цель иные.

Таким образом, если психоаналитический метаязык по праву может быть назван, вслед за Лаканом, «археологией травмы» – инструментом ретроспективного поиска истоков страдания в вытесненных означающих, – то метаязык *Общей теории живого слова* выполняет иную исследовательскую задачу: если психоанализ, в силу своей терапевтической природы, разработал богатый понятийный аппарат для описания патогенеза речи (ретроспектива), то ОТЖС фокусируется на онтогенезе смысла в коммуникации (перспектива); это не конкуренция, а взаимодополняемость оптик.

В терминах платоновского «Федра», который через Жака Деррида вошёл в современную философию как текст о *фармаконе* (яд-лекарстве), можно сказать: психоанализ сосредоточен на работе с *фармаконом* речи, её амбивалентной природой. Говоря метафорически, одна из задач ОТЖС заключается в поиске *эликсира* – той чистой, созидательной силы слова, которая не отравлена травмой, а направлена к истине и благу; её метод – это «археология Сверху»: поиск не в пластах личной истории, а в области идей, эйдосов и универсальных структур (таких, как платоновский конструктивный Эрос, юнгианские архетипы или лосевская энергия имени), которые могут быть актуализированы в живом слове. Собственно, для именованного этого *эликсира*, этой направленной энергии созидания в речи, и необходимо введение в наш метаязык понятия *конструдо* как ключевого термина для описания того, как слово не раскапывает прошлую травму, а строит будущее понимание. Это противопоставление делает ОТЖС не конкурентом психоанализа или материалистически ориентированной психолингвистики, а дисциплиной с иной эпистемологической миссией: *не только терапия прошлого, а проектирование и укрепление будущего коммуникативного бытия*. Введённое в такой контекст, *конструдо* становится не «ещё одной силой», а операциональным термином для описания *специфического модуса работы психики и языка, взятого в его конструктивном, смыслопорождающем аспекте*. Этот подход позволяет избежать упрека в дуализме и вводит *конструдо* в русло классической психоаналитической проблематики, но с иной целью.

Таким образом, интеграция психоаналитических концептов в метаязык ОТЖС не отвергает понятийный аппарат психоанализа и не означает механический перенос, а переподчиняет и переосмысливает его в рамках своего собственного предмета – живого слова как целостного феномена. Этот процесс можно назвать перекодировкой терминов в рамках новой теоретической задачи. Хотя *либидо*, *мортидо* и *деструдо* сохраняются как необходимые категории для описания энергетических потенциалов и деструктивных актов в речи, однако для описания созидательного процесса, который превращает речь в живое слово, данного аппарата оказывается недостаточно, поскольку он описывает источник (*либидо*), противника (*мортидо*) и форму краха (*деструдо*), но не называет самого *акта построения смысла*.

Здесь на помощь приходит лакановская триада Реального, Символического и Воображаемого. В её рамках *конструдо* можно понять не как метафорический *магический эликсир*, а как имя для всей работы Символического порядка, взятой в её конструктивном, связующем аспекте. Это не сила, существующая до языка, а сам процесс символизации, направленный на преодоление травматичной пустоты Реального и создание пригодного для

жизни мира смыслов в регистре Воображаемого. В терминологии ОТЖС и на фоне метаязыка структурного психоанализа, *конструдо* – можно интерпретировать как синэnergийный ключ, приводящий в движение машину языка не для повторения травмы (*деструдо*), а для попытки её символического «зашивания», для строительства связанного нарратива, метафоры, диалога.

Следовательно, в метаязык ОТЖС *конструдо* вводится не как антипод психоаналитического неудовлетворенного желания, а как интегральное описание его иллюзорно-созидательной, структурирующей функции. Если, по Лакану, желание движимо *нехваткой*, то *конструдо* обозначает ту вторичную работу по возведению символических конструкций (зданий смысла), которую это желание инициирует в сфере живого слова. Это позволяет ОТЖС анализировать речь одновременно в двух проекциях: как симптом травмы (*деструдо*) и как попытку её творческого преодоления (*конструдо*) через созидание новых связей и значений. Именно этот второй аспект и становится специфическим предметом *Общей теории живого слова*, что и оправдывает введение нового термина в её интегративный метаязык. Такой подход позволяет сохранить всю сложность психоаналитической модели, но сместить фокус с «археологии травмы» на архитеконику ответа на неё, что и является задачей «археологии Сверху».

Еще одним из важнейших направлений психотерапии, тесно смыкающихся с ОТЖС, является *понимающая* или *синергийная психотерапия* В.Ф. Василюка [7]. Данное направление основано на конструктах *синергийной антропологии* С.С. Хоружего и позволяет построить психотерапевтический процесс вокруг такой функции живого слова как *открывающая*. Здесь имеется в виду открытие границы для синергии человеческих и божественных энергий. В секулярной оптике, термин «божественные энергии» заменяется термином *базовые аттракторы языковых структур*. В рамках данного терапевтического подхода классический для психоанализа процесс вытеснения меняется на преобразование невозможной ситуации (фрустрации, конфликта, жизненного кризиса) в молитвенное слово таким образом, что деструктивная энергия психического напряжения (чувства) преобразуется в *синергетическом взаимодействии* с высшими энергиями, располагающимися, по словам С.С. Хоружего, за антропологической границей [32].

Таким образом, концепт *конструдо* позволяет не только адекватно отразить понимание такого процесса как перенаправление природных (вождеleyющих) энергий в русло конструктивных целей, но и правильно встроить в это понимание еще один важный процесс, а значит и важный атрибут живого слова, а именно – его способность открывать выход антропных энергий к антропологической границе, где возможно соединение человеческих телесных и психических энергий с энергиями высоких смыслов, так называемых *арете-энергий* [9].

Подводя итог, представляется целесообразным ещё раз упомянуть в заключении основные источники для формирования понятийного аппарата *метаязыка Общей теории живого слова*: философско-богословский, поэтико-символический и психоаналитический.

Психоаналитический метаязык предоставляет нам фундаментальную пару категорий, отражающих *амбивалентность* человеческой психики, или её двойственность-в-единстве: *либидо* – психическая энергия влечений, в широком смысле – сила жизни, созидания, связывания, сексуальности в её сублимированных и прямых формах; *мортидо/деструдо* – энергия влечения к смерти, распаду, разрушению, возврату в неорганическое состояние.

В классическом психоанализе *либидо* представляет собой глубинный источник психической энергии, имеющей *амбивалентный* потенциал (от лат. *ambi* – «оба» и лат. *valentia* – «сила»), реализующийся в разнонаправленных векторах. Для описания этих противоположных векторов в плоскости конкретного речевого действия, иначе говоря – для описания *амбитендентности* – интенциональности акта (от лат. *ambi* – «оба», «с обеих сторон» и *tendere* – «направлять, тянуться») – в метаязыке ОТЖС требуются переосмысление или уточнение известных и введение новых терминов с целью устранения часто возникающей путаницы или смешения понятий «статики» и «динамики», ведь разумеется, что *потенциал* означает *статику*, еще не реализованную в действии, или в *динамике* (так же как, например, накопление энергетического потенциала в *лейденских*

банках ещё не означает начало взаимодействия, как это наглядно демонстрирует электрофорная машина).

Таким образом, для перехода от описания *амбивалентного потенциала* психики к анализу *реализованной направленности* речевого акта в дополнение к уже известному в аналитической психологии термину *деструдо* в метаязык ОТЖС видится целесообразным введение дискурсивного термина *конструдо*, которого *бритва Оккама* хоть и касается, но не отсекает. На этом основании формируется терминологическая двойка, означающая *амбигуэнтность* психической энергии, реализуемой в речевых актах:

• **Деструдо** (от лат. *destruere*) – оперативная величина и векторная активность *инстинкта смерти*, выраженная в конкретном речевом акте. Это актуализированная энергия разрушения, направленная либо вовнутрь (мортидо, самоуничтожение, речевая аутоагрессия), либо вовне (агрессия, ненависть, вербальное насилие). Во внешней коммуникации *деструдо* означает *разрушительный вектор режима речи, соответствующую эристике*; в нём деструктивный вектор актуализируется таким образом, что речь становится инструментом разрыва, подавления Другого, словесной борьбы, софистической риторики; его цель – победа и доминирование в эристической риторике, а не в эвристическом установлении истины.

• **Конструдо** (термин, обосновываемый в рамках ОТЖС) – оперативная величина и векторная активность созидательного инстинкта, рожденная от соединения энергии *либидо* с работой *интеллекта, сознания и воли*. Здесь важно подчеркнуть его несинонимичность *либидо*: если *либидо* – это термин, касающийся *амбивалентности* бессознательного потенциала психики, то для обозначения *амбигуэнтности* направлений его возможной реализации привлекается *конструдо* как *осознанный и целенаправленный выбор вектора смыслопорождения, диалога взаимопомощи и жизнетворчества*; это элемент *искусства кибернетики* – «разумного управления повозкой». Другими словами, *конструдо* – это *режим речи, соответствующий истинной диалектике (эвристике)*. Это результат осознанного *искусства управления душой (psychagogia)* и *внутренними энергиями*, при котором речевой акт направлен на созидание связи, совместный поиск смысла, взаимопомощь и гармонизацию; его цель – рождение общего понимания и совместное продвижение к истине.

Пользуясь понятийным аппаратом структурного психоанализа, можно сказать, что *конструдо* – это имя для пустоты, для той самой *нехватки*, о которой пишет Ж. Лакан и которая не вмещается в его языковую материю. При этом, разумеется, надо понимать следующее: если в лакановском психоанализе травматическое ядро реального остаётся принципиально несимволизируемым, то метаязык ОТЖС, исходя из иных – педагогических и метафизических – задач, предлагает понятие *конструдо* для обозначения той созидательной энергии живого слова, которая позволяет субъекту выстраивать осмысленные символические конструкции, не «заполняя» пустоту, а творчески преображая отношение к ней. Тем самым, надо уточнить, *конструдо* выступает не как *имя отсутствия*, а как *имя творческого ответа* на это отсутствие. Именно поэтому психоаналитическая понятийная структура требует интегрального переосмысления и дополнения за счет метафизики и богословия.

Если *лирический Эрос* описывает область *либидо* – энергии влечения и связи, которая в своём чистом, непосредственном разумом виде может быть как конструктивной (влечение к единению), так и деструктивной (слепая страсть, поглощение Другого), *конструдо* соответствует *космический Эрос* – энергия осмысленного созидания и организации, где разум направляет жизненную силу. Таким образом, со своей стороны русская *философия имени* предоставляет для ОТЖС готовый онтологический фундамент для понимания слова как носителя энергии, уже дифференцированной по своей направленности.

В отличие от общеупотребительных понятий *креативность* (способность к творчеству) или *эвристика* (метод поиска), термин *конструдо* вводится для обозначения специфически коммуникативного акта, при котором происходит намеренная трансформация деструктивного или амбивалентного импульса в речевую конструкцию, служащую целям диалогического синтеза: если *креативность* может быть направлена на создание разрушительных текстов

(пропаганда ненависти), то *конструдо* имманентно ориентирован на установление связи. Это отличает его как от *либидо* (энергия без цели), так и от *сублимации* (механизм защиты/переключения).

Собственно, для формирования осознанного коммуникационного навыка и требуется *эвокация* этого термина в понятийный фонд ОТЖС, где он становится концептуальным выражением платоновской идеи об использовании *созидательного Эроса* для творения духовной природы (культивации). Здесь критически важно отметить, что в свете платоновской метафоры направление созидательного вектора *конструдо* определяется не «победой» белого коня над чёрным, а является результатом *кибернетики* – управленческого *мастерства Возничего* (разум, *logos*), который не подавляет или нейтрализует энергию чёрного коня, а направляет её, преобразуя потенциально деструктивный порыв в силу, необходимую упряжке для преодоления препятствий на пути к созерцанию истины. Таким образом, *конструдо* – это не отсутствие *деструдо*, а синтетическая трансформация амбивалентного потенциала *либидо/мортидо* в речевом акте.

Такое различие позволяет ОТЖС чётко отделить подлинно живое слово (как синергийно-волевой акт *конструдо/майевтики/эвристики*) от его смертоносной или вредоносной симуляции (*деструдо/софистики/эристики*), что возвращает нас к исходному критерию Платона из «Федра»: слово живо не когда оно «побеждает» в софистической риторике, а когда оно совместными усилиями направлено к истине и благу, выполняя при этом психогогическую функцию.

Опираясь на сформированный метаязык, мы можем предложить принципиально новое, энергетическое определение ключевых для ОТЖС понятий. В этом контексте метафора живое слово служит *означающим* для *синергийного речевого акта*, в котором доминирует и *реализуется энергия либидо/трансформируется энергия мортидо*. При этом его атрибуты, выведенные ранее из других контекстов (диалогичность, целостность, обращенность), получают глубинное энергетическое обоснование: а) его *диалогичность* проявляет симбиотический «закон взаимопомощи» [13], служащий живознающим энергетическим источником для установления и укрепления связей; б) его *целостность* (единство-во-множестве внешней, внутренней и соборной форм) представляет собой результат синтезирующей, связующей работы *конструдо*; в) его *обращенность к Другому* обозначает вектор осознанной энергии, направленной не на поглощение или подчинение, а на распознавание и со-творчество (*койнонию*); г) его *антиномичность* – встроенность в формулу дискурса по форме «И-И»; д) его *синергийность* – способность к синтезу природных и сверхприродных энергий в регуляции деятельности человека; е) его *порождающий характер* – способность активировать разнообразные творческие активности, творческое вдохновение; ё) его *преображающий характер* как перевод энергии кризиса в энергию изменения иерархии ценностей (*метанойя*); ж) его *своевременность* как необходимое условие правильного применения энергии психогогического воздействия.

Тогда как мертвое слово означает *деструктивный* речевой акт, захваченный и движимый энергией *мортидо*. При этом его формальные признаки (монологичность, разорванность, манипулятивность) суть симптомы глубинного энергетического режима: а) в его *монологичности* – проявляется «закон взаимной борьбы», стремление к доминации и уничтожению инаковости; б) его *разорванность* (ложь, клишированность, манипулятивность, расхождение формы и содержания) отражает работу деструкции, разъединяющей смыслы; в) его *обращенность* имеет характер удара, вторжения или игнорирования, что является речевым эквивалентом агрессии или «отрицания»; г) его несвоевременность и неуместность, нарушающая синхронизацию парресии и кайроса.

В качестве примеров конкретных языковых маркеров можно привести следующее (подробнее см. в *Приложении I*):

- *Конструдо* проявляется в преобладании: а) глаголов с семантикой созидания (*строить, создавать, предлагать*); б) местоимений совместности (*мы, с вами*); в) вопросов, направленных на прояснение, а не на риторическое поражение; г) метафор роста и интеграции.

• *Деструдо* проявляется в: а) избытке инвективной лексики; б) использовании местоимений исключения (*они, чужие*); в) риторических вопросах, не предполагающих ответа; г) дихотомических конструкциях (кто не с нами, тот против нас).

Интеграция энергийного измерения и переосмысленная актуализация психоаналитических терминов напрямую обогащают прикладной потенциал ОТЖС, превращая её в работающий инструмент анализа и конструирования речевой среды:

Во-первых, для *диагностики дискурсивных полей*, поскольку любой публичный или частный дискурс (политический, педагогический, медийный, бытовой) может быть проанализирован на предмет доминирующего энергетического режима: а) *дискурс конструдо*, который характеризуется открытостью, признанием сложности, метафорами роста и строительства, этикой ответственности, преобладанием утверждающих и соединяющих речевых актов; б) *дискурс деструдо*, строящийся на бинарных оппозициях («свой/чужие»), культивировании образа врага, языке ненависти, исключения и насилия, использовании штампов и тотализирующих ярлыков, преобладании обвинительных и разделяющих речевых актов.

Во-вторых, для *тонкого анализа речевых актов*, поскольку интегративная методология ОТЖС позволяет различать, например, *критику*, осуществляемую в *режиме конструдо* (своевременная критика-забота, направленная на улучшение, с опорой на факты и эмпатию), и *критику в режиме деструдо* (несвоевременная критика-уничтожение, цель которой – деморализовать, опозорить, а не исправить).

В-третьих, для *выявление скрытых форм речевой агрессии*, поскольку понятие *конструдо* не только проясняет явную агрессию (оскорбления), но и даёт ключ к диагностике её изошрённых скрытых форм: пассивной агрессии, газлайтинга, вербального саботажа, интенциональной неясности – всех тех речевых тактик, которые служат не выражению, а разрушению смысла и связи.

В-четвертых, для заложения *основ психогигиены речи*, поскольку понятие *конструдо* задаёт позитивный идеал и практическую цель, а также – для *психогигиены коммуникации*, которая в рамках ОТЖС становится практикой сознательного культивирования *конструдо* в собственной речи и развития иммунитета к *деструдо* в коммуникативной среде, что предполагает: а) развитие мета-рефлексии над энергетическим посылом своих высказываний; б) овладение техниками перевода деструктивных импульсов (*деструдо*) в конструктивное русло (*конструдо*) через работу с внутренней формой слова; в) осознанный отбор языковых средств, работающих на прояснение, а не на запутывание; на соединение, а не на разъединение.

В-пятых, для разработки *теории и методологии диагностики «типов речевых личностей»*, что, в свою очередь, важно для педагогической и психогигиенической практик. При этом *конструдо* понимается, как термин, который может быть адекватным инструментом для описания содержания не только внешнего, но и внутреннего диалога, как функциональной основы для формирования личности, ориентированной на *консентный тип* социального взаимодействия.

Таким образом, интеграция психоаналитических концептов в метаязык ОТЖС через использование понятийной тетрады «либидо – мортидо / конструдо – деструдо» и, в особенности, введение ключевого оперативного термина *конструдо* совершает ключевой методологический переход, благодаря которому ОТЖС обретает способность преодолевать статус междисциплинарного проекта и обретает явные черты интегральной дисциплины с собственным понятийным аппаратом, способным описывать объект в его синтетической сложности.

Одним из важных выводов, исходящих из данного рассуждения, можно назвать следующую мысль: устность или письменность не являются решающими критериями живости слова, поскольку блестящая импровизированная речь может быть заряжена энергией *деструдо* (демагогия, травля), а глубокий письменный (диалогичный) текст – может являться мощным проводником *конструдо*; таким образом ключевым становится *вектор психической энергии*,

воплощаемой в дискурсе. Переосмысляя психоаналитическую энергетику и синергичную онтологию в своем дискурсивном ключе, ОТЖС теперь может утверждать, что *подлинная живость слова определяется не столько его медийной природой (письменной или устной), сколько вектором воплощаемой в нем глубинной психической энергии: живое слово есть актуализация конструдо; мертвое слово есть актуализация мортидо или деструдо.*

Таким образом, ОТЖС может быть позиционирована как методологическая основа для разработки *теории консентной коммуникации*, задача которой состоит в определении принципов диагностики, терапии и созидания речевой среды, противостоящей эпидемиям *деструдо* в публичном и приватном дискурсе и культивирующей *конструдо* как основу для подлинного диалога, понимания и совместного творчества смыслов. В этом заключается её не только академическая, но и острая социальная значимость в эпоху глубинных цивилизационных кризисов.

Таблица диагностики режимов речи (метаязык ОТЖС)

Критерий / уровень анализа	Режим <i>КОНСТРУДО</i>	Режим <i>ДЕСТРУДО</i>
1. Лексико-семантический уровень (Выбор слов)	Преобладание лексики созидания, связи, диалога (<i>строить, создавать, предлагать, давайте, вместе, общий смысл, возможность</i>). Термины, обозначающие сложность и нюансы.	Преобладание лексики разрушения, борьбы, разделения (<i>уничтожить, сломать, враг, чужие, борьба, атака, защита, победа</i>). Использование бинарных оппозиций и штампов («кто не с нами, тот против нас»).
2. Синтаксический уровень (Построение фраз)	Сложносочиненные предложения, отражающие многогранность. Вопросы, направленные на прояснение (уточняющие, эвристические). Конструкции, включающие точку зрения другого («Если я верно понял, вы имеете в виду...»).	Императивные конструкции (приказы, требования). Риторические вопросы, не предполагающие ответа (направленные на подавление). Короткие, рубленые фразы, создающие напряжение.
3. Речевые акты (Интенции)	Признание, предложение совместного поиска, позитивная оценка идей другого, выражение благодарности, извинение (как акт восстановления связи). Критика-забота.	Оскорбление, обвинение, угроза, насмешка, приказ, прерывание, обесценивание вклада другого («это ерунда»). Критика-уничтожение.
4. Метафорика и образный строй	<i>Метафоры роста</i> (семя, дерево, цветение), <i>строительства</i> (фундамент, мост, здание), <i>пути</i> (совместное движение, поиск истины), <i>света</i> (прояснение).	<i>Метафоры войны</i> (атака, оборона, оружие, победа), <i>стихий</i> (потоп, пожар), <i>болезни</i> (зараза, вирус), <i>тьмы</i> .
5. Отношение к Другому	<i>Субъект-субъектное</i> : Другой признается как равноправный носитель смысла, интересов и чувств. Установка на диалог и койнонию (общение-общение).	<i>Субъект-объектное</i> : Другой – средство, препятствие или мишень. Установка на доминирование, уничтожение или манипуляцию.
6. Отношение к противоречию	Противоречие воспринимается как <i>источник развития, вызов, потенциал для творчества</i> (поле для поиска нового решения, учитывающего интересы).	Противоречие воспринимается как <i>угроза, конфликт, повод для борьбы</i> . Цель – победа над оппонентом.

<i>Критерий / уровень анализа</i>	<i>Режим КОНСТРУДО</i>	<i>Режим ДЕСТРУДО</i>
7. Параметры времени и контекста	Ориентация на <i>кайрос</i> (благоприятный момент, своевременность). Высказывание уместно и учитывает контекст ситуации.	Игнорирование <i>кайроса</i> . Несвоевременная, неуместная речь. Высказывание «в лоб», нарушающее этику и гармонию.
8. Энергетический вектор (метафора платоновской колесницы)	<i>Гармоничная упряжка</i> : Возничий (разум) успешно направляет энергию обеих коней к истине и благу. Энергия строптивого коня не подавлена, а преобразована в силу для движения.	<i>Возничий потерял управление</i> : Упряжку несет черный конь (деструктивный импульс). Движение хаотично и разрушительно.

Инструкция по применению таблицы (диагностический алгоритм):

1. *Сбор данных*: анализируется фрагмент речи (текст, диалог, публичное выступление).
2. *Маркировка*: Исследователь последовательно проходит по уровням (1-8) и фиксирует, к какому режиму тяготеют выявленные маркеры.
3. *Выявление доминанты*: В «чистом» виде режимы встречаются редко. Задача – определить, какой вектор является доминирующим.
 - Преобладание маркеров колонки 2 → дискурс конструдо (живое слово).
 - Преобладание маркеров колонки 3 → дискурс деструдо (агрессия вовне).
4. *Анализ динамики*: важно отслеживать, как меняется режим в процессе коммуникации (переход от деструдо к конструдо и наоборот).

Литература

1. Акопова Л.И. Деструкция как причина становления, или явление, опережающее событие // Северо-Кавказский психологический вестник, Т. 13, №. 4, 2015, С. 48-49.
2. Белый А. Магия слов / Символизм // Книга статей под общ. ред. В. М. Пискунова. М., 2010. 316-328 с.
3. Блок А.А. О назначении поэта // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 506-508.
4. Булгаков С.Н. Философия имени / Первообраз и образ: Сочинения в 2-х томах. М., 1999. Т. 2. С. 13-240.
5. Ваганова Н.А. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. М.: ПСТГУ, 2010. 464 с.
6. Вагин Ю.Р. Теория деструктивного влечения С. Шпильрейн // Суицидология, 2012. Т. 3, №. 1 (6), С. 43-49.
7. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования. М.: Смысл, 2005. 191 с.
8. Гейзе К. Система языкознания (школа Гегеля и Боппа) // Филологические записки, 1864. Вып. 2. С. 123-187.
9. Завьялов В.Ю. Арете-терапия. Психотерапия высоким смыслом. М.: 2021. 480 с.
10. Иванов В.И. По звездам. СПб.: Оры, 1909. С. 131.
11. Иванов В.И. Наш язык // Три века русской мета поэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 475-478.
12. Иванова-Лукьянова Г.Н. Энергемы слова в учении А.Ф. Лосева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки, 2016. №. 2 (741), С. 200-209.

13. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. СПб.: Товарищество «Знание», 1907. 351 с.
14. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М: Гнозис, 1995. 192 с.
15. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1993. С. 31-60.
16. Лосский Н.О. История русской философии. Пер. с англ. М., 1991. 480 с.
17. Подлесова О.А. Искусственный метаязык описания эмоций // Поволжский педагогический вестник, 2015. №. 2 (7), С. 131-134.
18. Платон. Федр / Полное собрание творений Платона // Пер. С.А. Жебелёва. – Петроград, 1922. 182 с.
19. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа // Пер. с англ. Л.В. Топоровой, С.В. Воронина и И.Н. Гвоздева под редакцией канд. философ. наук С.М. Черкасова. СПб.; Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1995. (<https://www.psychol-ok.ru/dictionary/mortido.html>). Дата посещения: 14.02.2025).
20. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 73-94.
21. Соссюр, де Ф. Курс общей лингвистики. М., 1998. 235 с.
22. Тахо-Годи А.А. Предисловие / Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 12.
23. Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 7.
24. Филатов Ф.Р. Учение С.Н. Шпильрейн о деструкции: теоретические и психо-биографические аспекты // Российский психологический журнал, 2016. Т.13. № 2. С. 246-259.
25. Флоренский П. У водоразделов мысли / Столп и утверждение истины. В 3-х т. М.: Правда, 1991. С. 234.
26. Фрейд З. Основные принципы психоанализа. М., 1998. 288 с.
27. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925. 110 с.
28. Фрейд З. Введение в психоанализ / Пер. с нем. Г.В. Барышниковой. М., 2017. 544 с.
29. Фрейд З. Я и ОНО // Пер. с нем. В.Ф. Полянского; под ред. А.А. Франковского. Л.: Academia, 1924. 62 с.
30. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983) / Пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: РАНХиГС, 2020. 384 с.
31. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8-ми томах. М.: Типолитография Товарищества Кушнерев и К°, 1904-1911гг. Т. 1. С. 276, 325, 347.
32. Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
33. Штайн К.Э. Язык как деятельность и произведение: проблема символа в статье А. Белого «Мысль и язык (философия языка А.А. Потебни)» // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 782-785.
34. Юнг К.Г. Психологическая типология / Психологические типы. М., 1971. С. 279.
35. Мандельштам О.Э. О природе слова // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 580-585.
36. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 1999. 576 с.
37. Akhtar S. A Comprehensive Dictionary of Psychoanalysis. London: Karnac, 2009. p. 159.
38. Jones, Ernest (1957). The Life and Work of Sigmund Freud. Volume 3. New York City: Basic Books. p. 273.
39. Federn P. Review of: Spielrein. Die Destruction als Ursache des Werdens. Zeitschrift. 1913. № 1.
40. Freud S. Civilisation and Discontent // Standard Edition of the Complete Psychological Works of S. Freud, 1961. Vol. 21. P. 231-234.
41. Santas, Gerasimos Xenophon. Plato and Freud. Two theories of love. Blackwell, Oxford 1988. XI + 195 p.